

УДК 82-4
Попов С. И.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ В ЧЕТЫРЕХ ВСТРЕЧАХ

Улучшить эту работу все не хватало времени. И когда автору стало ясно, что возврата к теме у него уже не бу-

дет, пришло решение опубликовать это эссе в том виде, в каком оно некогда было написано.

Для цитирования: Попов С. И. История любви в четырех встречах // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2025. Т. 6. № 4. С 43–44.

Фильм-минисериал «Мотыльки» (2013) не может пожаловаться на отсутствие зрительского внимания, отзывов и комментариев. Оставим без анализа игру актеров и умные мнения критиков. А также степень соответствия показанного в фильме реальным фактам ликвидации аварии на ЧАЭС. Попробуем отнестись к фильму как целостному художественному произведению, из которого ничего нельзя без ущерба вычлесть, равно как и добавить. Что есть – то есть. Нашей задачей будет попытаться непротиворечиво объяснить себе то, что нам смогли показать на протяжении четырех серий. Ибо, как можно узнать из отзывов о фильме, не все зрителю оказалось понятно. В данном случае выявление логики увиденного вряд ли может быть беспредпосылочным, «чистым», основанным на логике сценария (мы его не знаем). Фильм содержит много фантастических элементов, поэтому введение еще одного, на наш взгляд, не испортит впечатления от фильма. Снабдим наш комментарий одним важным метафизическим допущением, будем исходить из него и посмотрим, что в итоге получится.

Безусловно, сюжет фильма – история любви (на фоне техногенной катастрофы). Достаточно прозрачна мысль, что смысл, цель и результат этой любви – Даша Державина, дочь Али и Павла (жаль, что краткий эпизод с ней не украсил также самое начало фильма). Таким образом, увиденная нами на экране история любви – история насквозь телеологичная и самая что ни на есть «шопенгауэровская». «Гений рода» старался произвести эту новую жизнь, не взирая ни на какие препятствия, и всё в показанной нам истории работало на нее. Все же остальное здесь – второстепенно. Поэтому смело отбросим соображения поборников достоверности. В шопенгауэрианской телеологической перспективе Даша обязана быть здоровой, красивой и совершенной. Дальше просто разъясняется история ее появления в мире – история того, как сработал в данном случае гений рода.

Всякому знакомому с подходами гения рода (практически, либо же теоретически – из метафизики любви А. Шопенгауэра) понятно, что Даша, воплощающая собой совершенство, могла быть зачата *только* этой матерью и *только* этим отцом [2]. Но когда же был «запущен проект»? Думается, в самом начале фильма, после не-

осторожного выпрещенно-публичного высказывания Али на уроке о несовременности жертвенности в любви. Она попросту обратила на себя внимание гения рода, что называется, «довыпендривалась». Не надо все бросаться неосторожными заявлениями! В этот момент Аля и – где-то – Паша должны были на миг почувствовать что-то необычное (легкий укол в сердце, легкий волнующий спазм в животе...). Дальше началась кропотливая работа гения рода ради того, чтобы свести их вместе ради новой жизни.

Где и как можно собрать вместе безвестного солдата-срочника и десятиклассницу-киевлянку? Тут надо сказать кое-что об этой странной семье, сильно напоминающей аналогичную семью из гайдаровской повести «Тимур и его команда». Аля не помнит матери: та дала жизнь дочерям и исчезла – как мотылек. Их папа-командир вечно отсутствует. Ждать, как ждала Сольвейг (Григ здесь не случаен), – удел этой семьи, где старшая из дочерей (Марьяна) – вместо матери младшей (Алевтине, Але), а заодно и деду... Аля – в папу (невысокая и плотная), Марьяна – явно в маму: высокую худую музыкантшу. Марьяна, как бы не зная о «несовременности жертвенной любви», всю свою недолгую взрослую жизнь жертвует собой: является «матерью» младшей сестре, хозяйкой дома, врачом деда, не имеет возможности устроить свою личную жизнь. Ни жертвенная Марьяна, ни «женых» Марьяны инфантил Игорь отчего-то не интересны гению рода, он к ним довольно безжалостен, как бы показывая, что с точки зрения продолжения рода оба – битые карты. Самое большое – тот соглашается их использовать в своем плане на Алю.

Как сделать, чтобы школьница Аля Широкова посреди последней четверти вдруг забыла о школе и отправилась к черту на кулички? Гений рода по своему обыкновению воздействует на ту дурь, которой большинство людей обычно думает; применяет, так сказать, «минимально необходимое воздействие» (А. Азимов), хе-хе. Папа Али очень удачно выжил в Афганистане (а в «афгане» вертолетчики были группой риска, если не сказать расходным материалом). Гений рода переводит его полк в Союз, на полевой аэродром близ Припяти. В Припяти же обитает двоюродная тетка Али. У старшей сестры Марья-

ны рождается совершенно иррациональный план (мы-то знаем, кто его рождает) прокатиться в Припять на выходные, опробовать новый «жигуль», остановиться у тетки (ее так ни разу и не показали, к чему бы это?); есть у нее и личный интерес – потенциальный жених Игорь, медик, почти врач, проходящий в Припяти практику. При чем здесь Аля?! Правильно, ни при чем. Она поначалу и не хочет ехать. Требуются уговаривания и соблазны: «дам порулить», «отдохнешь от школы», «поезжай, Алька» (сердобольный дедушка), опять же, с папой там встретиться и вернетесь все вместе. Каждый довод в отдельности очень слаб (да и, объективно, зачем там Алька Марьяне? Хочет к Игорю, но стесняется в этом признаться?), но все вместе они срабатывают (позднее выясняется, что главным доводом для Али явилась возможность побыстрее встретиться с отцом). Аля с Марьяной 25 апреля 1986 г. едут в г. Припять. Их автомобиль глохнет вечером далеко от Припяти. Казалось, план гения рода сорвался, авария на ЧАЭС случится без них, утром Припять оцепят, сестер туда не пустят, они останутся живы ... и не будет Даша. Последнее неприемлемо для гения рода (да и для нас, уже видевших Дашу). Аля включает какое-то неожиданное для себя, сестры и подъехавшего сержанта ГАИ начальное обаяние (она ли это говорила?!), сержант подсоединяет им «бронепровод» и объясняет «короткий путь» в Припять через ЧАЭС (!). Злосчастная следующая остановка происходит как раз около станции (сержант Стригунков, как нарочно, оказался «руко...ым», подсоединил провод плохо) в момент ее взрыва. Гению рода Марьяна, выманившая Алю в Припять, больше не нужна, как не нужна и их собака. Они выполнили свои функции. Разыскивая собаку, Марьяна в прострации останавливается рядом с обломком ТВЭЛа и получает (вместе с собакой) смертельную дозу радиации.

Папа Али пишет записку дочерям: командир полка по каким-то смутным соображениям (мы уже знаем – почему) не может отпустить майора Широкова повидаться с дочерьми, зато обеспечивает того «почтовым голубем» – рядовым Пашей Державиным. План гения рода начинает осуществляться хотя бы пространственно: у Паши есть возможность встретиться с Алей. И в объективном идеализме Гегеля, и в «объективном иррационализме» Шопенгауэра есть парадокс: цель процесса выступает также его детерминантой: в данном случае Даша как «томящееся небытие» начинает «стучаться в мир» (Б. Хазанов) [1]. Во всяком случае, знакомясь со своим невольным вестовым, отец Али, майор Широков должен был почувствовать нечто особое, что-то должно было ёкнуть – ведь он знакомится с будущим отцом своей внучки. Вестовой скоро увидит его дочь, они могут понравиться друг другу. По словам знакомой из семьи военного, у вестового папы-командира хорошие шансы оказаться первой любовью дочки, это же классика. Майор Широков мог поймать себя на такой мысли.

26 апреля, день, первая встреча Али с Пашей, доставившим записку от отца и словесное указание: «жди-те». Наконец-то героев удастся рассмотреть вместе. Хочется сказать создателям фильма «Браво!» за выбор актеров на главные роли (М. Поезжаева и Ю. Борисов). С Юрой все понятно. Кажется, что в Машу Поезжаеву в роли Али трудно не влюбиться, как и в ее же Валентину («Прошлым летом в Чулимске»). С другими кандидатурами фильм сильно проиграл бы в эмоциональной убедительности. Словом, понятен выбор гения рода. Но «любви с первого взгляда», о чем пишут в отзывах, во время первой встречи не происходит. Лобовая атака гения рода не удалась. Аля – избалованный взбалмошный ребенок, иногда прелестный, иногда противный. Оба героя не принимают друг друга всерьез и ни в какую «love story» попадаться не собираются. Аля шутивно договаривается с Пашей считаться женихом и невестой и даже позволяет поцеловать себя в щеку. Паша дает обещание обязательно к ней прийти, как только будет такая возможность. Аля дурочится, Паша – сбит с толку. Чего и требовалось Але. Для Али эта встреча – такое же мимолетное знакомство, как накануне с сержантом Стригунком. Через несколько дней она вернется в Киев, в свою привычную жизнь и, даже если не забудет о Паше, новая встреча с ним в Киеве, в другой обстановке, скорее всего, не впечатлит Алю. В этот момент становится ясно, насколько полон тонких мест, даже авантюристичен план гения рода на Дашу. Уже второй встречи Али и Паши могло не произойти при нормальном раскладе обстоятельств (Даша начинает исчезать с фотографии – как в фильме «Назад в будущее»). И гению рода приходится форсировать события. Действует он, как всегда, не напрямую. Его задача теперь выглядит радикально и жестко: во-первых, лишить Алю «прежней жизни», во-вторых, обеспечить их вторую встречу с Пашей.

27 апреля Аля искала старшую сестру в больнице. В это же время ее отец в вертолете гибнет над реактором ЧАЭС. Аля наблюдает эвакуацию из Припяти, везет на тележке труп умершего накануне старого еврея (эта *тележка* с «трупом» у нее вскоре повторится). Вместе с солдатом-казахом, который сравнивает ее со своей *глупой сестренкой*, она хоронит еврея. Командир вертолетного полка как-то должен сообщить дочерям майора Широкова о гибели их отца. Адрес, где они остановились, теперь знает только Паша. Его вторая встреча с Алей из возможной становится необходимой.

Вторая встреча происходит в ночь с 27 на 28 апреля: Паша находит спрятавшуюся от «официальных лиц» Алю и сообщает ей о гибели ее отца. Шок. Паша сидит с ней до утра. Аля невменяема и не хочет отпускать Пашу, даже в отчаянии предлагает ему прямо здесь и сейчас стать мужем и женой. Паша пытается привести ее в чувство и понимает, что теперь несет за нее ответственность,

скорее, как за младшую сестру, чем как за свою девушку. Он убеждает Алю уехать из Припяти («Я боюсь за тебя!», «А я – за тебя»). Аля говорит, что не уедет одна – только вместе с ним. Так они обещают друг другу быть вместе. Итак, взаимная «зацепка» двоих вроде бы произошла и гений рода на данном этапе может торжествовать. Но ему нужно «дорабатывать» с Пашей – сделать так, чтобы их третья с Алей встреча произошла как можно раньше и сделать ее необратимой. И гений рода идет на смертельный риск.

28 апреля Паша вызывается добровольцем чистить крышу реактора от радиоактивного мусора (обещали увольнение) – ради новой встречи с Алей, где получает смертельную дозу облучения.

29 апреля из уст врача, лежа в санитарной палатке, он слышит приговор: возможная ремиссия на несколько дней, после – необратимый процесс; и что его нужно отправлять в Москву. Далее происходит безумное по любым меркам происшествие – глупо-удачный и одновременно самоубийственный для жизни и репутации побег солдата-срочника из части. Что же произошло? С точки зрения Паши: понимая, что его могут увезти далеко-далеко, и чувствуя ответственность за Алю, Паша бежит – к ней. Долг Родине он выплатил, собственная судьба (суд за дезертирство, смерть без медицинской помощи) отходит на второй план, остается только долг перед Алей. Если взглянуть с точки зрения гения рода: всё, теперь Паше отпущены часы; за эти часы двоим нужно многое успеть – побыть вместе, привыкнуть друг к другу, полюбить и зачать Дашу. Забегая вперед: им всё удастся. В пустой Припяти происходит их символическое венчание в телефонной будке с занесением записей на стенку и ночь любви в случайной квартире. Символично, что Паше становится плохо сразу после того, как их геномы соединились. Гений рода осуществил важную часть своего плана.

Третья встреча, 29 апреля, апофеоз плана гения рода. План этот близок к осуществлению (Даша снова проявилась на воображаемой фотографии), но важно – не сбиться и не попасться милиции. Видна параллель с «Голубой лагуной»: двое подростков на острове (в пустой Припяти) и никого вокруг, кроме них. Естественно, они принадлежат только друг другу. Аля забывает (на время) о гибели отца, об исчезновении сестры, о смерти любимой собаки и вдохновенно разыгрывает настоящую феерию, сильно напоминающую свадебный ритуал со всеми соответствующими таинствами. Они в пустом салоне новобрачных, дурачатся перед зеркалом в фате и смокинге. Они – в детском садике (важный символ – напоминание им их обязанности). Они – пируют в чужой квартире, на волне эйфории открывают шампанское. Они – на качелях. Они – в парикмахерской. Наконец, их захватывает и уносит брачная ночь в чужой квартире – их первая и единственная.

Все это время Паша отдает себе отчет в своей грустной перспективе, но не решается омрачить своими мыслями радость Али, да и просто поддается ее шалостям (а кто бы не поддался?). Алю в отзывах часто обвиняют в инфантилизме, откровенной глупости, нежелании считаться с реальностью. Паша, отвечая на ее вопрос, подтверждает, что, «если их поймают», то его от нее увезут – в Москву, обследоваться. Аля: – Ну и правильно сделал, что убежал. Паша: – Аля, я обещал тебе. Аля: – Ты только не волнуйся, у нас в Киеве врачи не хуже; ты, главное, чувствуешь себя хорошо? Паша: – Да. Аля: – Паша, если ты считаешь, что тебе надо вернуться, ты только скажи. Паша: – Нет, я не хочу. Кажется, что этот диалог демонстрирует скромные умственные способности героев и качество их школьного прилежания (ведь был же у них такой предмет – «НВП»).

Конечно, скажем мы, Паше надо вернуться и лечь в больницу. Но наша оценка действий героев убога и ограничена. Паша слышал от врача приговор и понимает, что больница ему не поможет. И он теперь – в этот краткий период своей дееспособности – несет ответственность за Алю и не имеет другой задачи. Аля же, действуя, по видимости, глупо и легкомысленно, невольно исполняет (вспомним нашу метафизическую предпосылку) план гения рода – причем реализует его максимально прямо и эффективно. У нее трудная миссия – уложить в максимально короткий срок (как в итоге оказывается, в один день) всю их с Пашей историю любви, с радостями, с узнаванием друг друга, с непониманием друг друга, с символизмом, мелочами, деталями, не упустив ничего. Вроде бы у них появляется план: они избирают своей целью Киев, а для начала собираются раздобыть поесть. Залазят в пустой детский сад. Затем в пустую чужую квартиру, где находят много еды. Аля шокирует Пашу полушутливым назиданием: «нам еще о ребенке думать». Зрителю Паша выдает себя с головой: он только выполняет долг перед Алей, а на себе, как мужчине, уже поставил крест, однако не смеет ей перечить (а кто в таких случаях смеет перечить?). Паша выдвигает свой план: уйти из города, «когда стемнеет» (днем мимо постов нельзя пройти); ему все-таки неловко, что Аля вошла во вкус куролесить в пустом городе. Но он все терпит. Они пьют шампанское друг за друга, смеясь, качаются на качелях, потешаются над местным алкоголиком, не слышавшим об аварии и общей эвакуации, попадают в парикмахерскую. Аля делает себе прическу «воронье гнездо», и Паша, кажется, впервые видит в ней женщину – девушку стандартной «перестроечной» внешности. Темнеет, и они пытаются уйти из города. Паша начинает хуже себя чувствовать и стремится побыстрее осуществить свою ответственность за Алю – вывести ее из Припяти; он не верит в их общее будущее, потому что знает своё. Но не тут-то было. Стремительный уход не в планах гения рода. А план

его вышел на финишную прямую и должен быть завершен. Услышав шум мотора, они прячутся в телефонной будке, тут и звучит сакраментальное: «Ты будешь моим мужем?» После продолжительного трогательного замешательства Паши у них все же «всё получается», и они проводят ночь любви в первой попавшейся квартире. Под утро Паша чувствует ухудшение, понимает, что дела его плохи, что «в больницу надо просто». Аля в этот момент наконец-то оказывается в реальности, понимает, что шутки закончились. На самом деле, ввиду нашего метафизического допущения, этот момент следует интерпретировать так: гений рода достиг своей цели – обеспечил зачатие героями новой жизни, ему незачем продолжать поддерживать их эйфорию. Паша ему теперь неинтересен, Аля же – еще более интересна: она должна выносить и дать новую жизнь. Для этого ее следует воспитать: Аля должна духовно из ребенка превратиться в женщину, и на это все отпущено, как обычно, очень мало времени. Она снова везет тележку – на этот раз с полуживым Пашей, им чудом удастся попасть в Москву. Аля стремится быть рядом с Пашей в Москве. Она – прежняя гордячка и впервые искренне смиряется перед заведующей отделением, когда просит у нее свидания с Пашей.

Четвертая встреча: умирающий Паша, Аля – счастливая Сольвейг. Она как бы не видит того, что Паша слеп, лыс, в язвах; символически он к ней вернулся, они снова вместе – навсегда. За окном гремит салют (9 Мая). Аля здесь – скорее воплощение материнской любви. Скорее всего, Паша прямо при ней и умирает, почти что у нее на коленях.

Похороны Паши на Митинском кладбище, в бетонном саркофаге. Аля здесь уже другая – тихая, смиренная, мудрая, решительная. После 20 мая она наконец убеждается

в своей беременности и отныне всю себя подчиняет этой новой жизни. Бежит из клиники (всем потенциально облученным делали аборт), как только получает (из разговора соседок по палате) слабую надежду родить здорового ребенка, «взяв болезнь на себя» (то есть отказавшись от лечения). Рождает дочь, дает ей имя и фамилию, только после этого торжествующий гений рода позволяет ей умереть. Даша Державина попадает в детдом с Алиной куклой и историей любви мамы и папы в качестве наследства.

Самый загадочный эпизод фильма – когда Даша видит надписи АЛЯ + ПАША в телефонной будке, оставляет там куклу и уходит. Во взрослую жизнь? В близящееся небытие (у нее, как кажется, парик)? Не будем разгадывать символизм этого момента. Но кукла – явно символическая деталь рассказанной нам истории. Кукла – семья Али в новых обстоятельствах: нет уже ни отца, ни деда, ни сестры, ни собаки. С куклой Аля прожила остаток жизни, ее же «завещала» Даше. С Дашей кукла прошла детдом и перешла во взрослую жизнь. Как Аля не помнила свою маму, так и Даша не помнит свою. В Припять она, скорее всего, приезжает в день своего зачатия. Телефонная будка – символический дом ее семьи, а другого – нет. Даша показала ИМ себя взрослую. И оставила куклу на память.

В конце фильма открывается небуквальный смысл названия. Нет у мотыльков ни прошлого (первой семьи – у Паши), ни будущего (своей семьи), а только краткое настоящее. Остались от них – два имени на стенке телефонной будки, кукла Али и дочь Даша – такой же мотылек. Скорее всего, нигде больше нет и упоминаний о Паше и Але – будто их и не было. Мотыльки...

Источники и литература / Sources and references

1. Хазанов Б. Черное солнце философии: Шопенгауэр // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 173–178.
2. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви

ви // Шопенгауэр А. Избранные произведения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. И.С. Нарский. Рн/Д: изд-во «Феникс», 1997. С. 420–467.

Информация об авторе:

Попов Сергей Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.
E-mail: historyross@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1476-6712

Author:

Popov Sergey Ivanovich, Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy and Culture Studies, Kemerovo State Medical University.
E-mail: historyross@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1476-6712